

Д. И. Иловайский

История Рязанского княжества

Дмитрий Иловайский

История Рязанского княжества

Издательство «Кучково поле»

1858

ББК 63.3(2)43

Иловайский Д. И.

История Рязанского княжества / Д. И. Иловайский —
Издательство «Кучково поле», 1858

ISBN 978-5-9950-0031-0

Труд «История Рязанского княжества» в 1858 году принес своему автору – известному русскому историку и публицисту Дмитрию Ивановичу Иловайскому – степень магистра и Уваровскую премию Академии наук. Начиная с первых летописных упоминаний о возникновении Рязанского княжества, в книге подробно рассмотрена история его становления, основные этапы его политического и экономического развития, внешняя политика и система отношений с непосредственными соседями. До сего времени эта книга была и остается, пожалуй, самым полным изложением ранней истории Рязанского края и будет интересна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-9950-0031-0

© Иловайский Д. И., 1858

© Издательство «Кучково поле», 1858

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
Финское население в области Оки	9
Вятичи	12
Главные пути славянской колонизации	13
Восточные уделы	15
Святой Глеб в Муроме	16
Соседство с половцами	17
Борьба Олега Святославича с Мономахом и его сыновьями	18
Происхождение города Рязани	20
Ярослав Святославич; его характер и деятельность на северо-востоке	23
Успехи христианства	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Иванович Иловайский

История Рязанского княжества

© Иловайский Д. И., 2009

© ООО «Кучково поле», 2009

Предисловие

Главным источником для моего труда послужили русские летописи, преимущественно северные. Хотя известия о рязанских событиях в них вообще редки, отрывочны и местами пристрастны; но вместе взятые они составляют значительную массу фактов. Самую твердую опору для исследований представляют, конечно, договорные и жалованные грамоты, рассеянные в изданиях Археографической комиссии и в Собрании Государственных грамот и договоров. Иностраных известий о древнерязанском крае мы имеем очень мало.

Нельзя сказать, чтобы мне пришлось трудиться над материалами, совершенно нетронутыми. Были и прежде некоторые попытки, если не разработать, то, по крайней мере, собрать сырые материалы. Первая известная мне попытка в этом роде относится к концу прошлого и началу настоящего столетия. Сборник имеет такое заглавие: «Достопамятности к Российской истории, большей частью к Рязанской области надлежащие, выбранные из отысканных в Рязанской духовной консистории разных тетрадей и бумаг и собранные в виде летописи в 1793 и 1794 гг. по случаю присланного из св. правит, синода 1791 г. августа 31 дня к его преосвященству Симону, архиепископу рязанскому указа о присылке летописей в оный синод, а 1816 году вновь пересмотренная, исправленная и дополненная». Из каких же тетрадей и бумаг сделаны выписки для этих «Достопамятностей»? Главным образом, из «Родословца русских князей» и «Географического словаря», составленного Щекановым; а в последнем историческое обозрение Рязанского княжества основано на извлечениях из «Истории» Татищева и Никоновой Летописи. Гораздо важнее таких выписок встречающиеся в «Достопамятностях» сокращения и отрывки из разных грамот, жалованных и судебных.

В связи с «Достопамятностями» находятся труды бывшего учителя рязанской гимназии Т. Воздвиженского: «Историческое обозрение Рязанской иерархии» 1820 г. и «Историческое обозрение Рязанской губернии» 1822 г. Более всего заслуживает внимания первая книга, содержание которой заимствовано из «Рязанских Достопамятностей», которые до сих пор остаются неизданными. Уже потому самому, что г. Воздвиженский сделал известными многие любопытные грамоты, вошедшие в «Достопамятности», он оказал большую услугу науке. Вторая книга представляет очень мало интереса там, где дело идет о временах княжества. По большей части, это ряд выписок, почти слово в слово, из Татищева, Щекатова и Карамзина, ничем несвязанных и часто противоречащих друг другу. Но мы не имеем права пренебрегать и этим трудом, потому что у г. Воздвиженского, как рязанского старожила, встречаются местами любопытные заметки, которые могут навести на разные соображения.

Очень важны для истории Рязанского края грамоты и акты, собранные А. И. Пискаревым, 1854 г.; но, за исключением немногих, эти документы относятся к временам позднейшим. Сочинения по русской истории и рассеянные в повременных изданиях статьи, которыми я пользовался, будут указаны при самых исследованиях. Новых неизданных досель источников мне удалось собрать очень немного.

Излагая историю Рязанского княжества, я имел в виду следующее: во-первых, привести в известность и дать единство фактам, до сих пор разрозненным и отрывочным; во-вторых, указать на самые важные эпохи, которые переживало княжество; и, в-третьих, по возможности, проникнуть в его внутренний быт. Хотелось бы дать более места последней, бытовой стороне и остановиться на духовной жизни народа, но здесь историк встречает сильные затруднения из-за крайней скудости источников и отсутствия предварительных исследований. Отчетливое изображение древнерязанского быта невозможно до тех пор, пока не будут собраны и изданы в значительном количестве местные предания, песни, поверья, остатки прежних обычаев; пока русская археология и филология не приведут в известность и не объяснят хотя бы наиболее

замечательные памятники рязанской письменности, равно как и памятники искусства, принадлежащие рязанскому краю.

Глава I

Происхождение Рязанского княжества

Финское население в области Оки. Вятичи. Главные пути славянской колонизации. Восточные уделы. Святой Глеб в Муроме. Происхождение города Рязани. Борьба Олега Святославича с детьми Мономаха. Ярослав Святославич. Его характер и деятельность на северо-востоке. Успехи христианства. Неудачи Ярослава на юге. Обособление Муромо-Рязанского княжества.

Финское население в области Оки

«По Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой, и черемеси свой язык, мордва свой язык», – говорит Нестор, перечисляя народы, населявшие древнюю Россию. «А се суть инии (т. е. не славянские) языци, иже дань дают Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемис, мордва» и пр. Следовательно, речная область Оки в первый раз является в истории с обитателями финского или чудского племени. Но, заговорив о финском племени и его подразделениях, мы чувствуем под собой далеко нетвердую почву. Этот важный элемент в составе русского государства представляет еще задачу для истории, и мы пока напрасно ищем в ученой литературе авторитет, на который могли бы смело опереться в своих выводах. Особенно мало сделано для истории и этнографии финнов восточной России. Здесь нас сразу же останавливает затруднение отыскать границы между племенами финскими, турецкими и монгольскими; перед нами мелькает множество названий, которые никак не поддаются строгой классификации рода и вида. Разрешения этой задачи можно ожидать только от сравнительной филологии¹.

Финские народцы, обитавшие в области Оки, по некоторым признакам, составляли только часть большого мордовского племени². Нетрудно представить себе главные черты их быта при начале нашей истории; без всякого сомнения, он был очень прост и немногосложен, как у всех народов, не вышедших еще из состояния дикости. Финны, рассеянные небольшими группами или отдельными семьями, жили в глуши первобытных лесов, на берегу рек и бесконечных болот. Охота и, вероятно, пчеловодство служили им главным источником существования; земледелие, может быть, и в те времена входило уже в число их занятий, но ему не благоприятствовали лесистая природа страны и местами скупая, песчано-глинистая почва. В

¹ Замечательны, между прочим, некоторые попытки путем языка уяснить взаимные отношения народов, населявших доисторическую Русь. Нельзя не обратить внимание, например, на ту мысль, что жилища финнов при начале русской истории простирались гораздо далее к юго-востоку, нежели обыкновенно полагают. В литературе большей частью принято относить народы, составлявшие некогда царства Казанское и Болгарское, к турецкому поколению. Нам кажется более основательным мнение тех, которые относят их к финнам. Так, например, один путешественник старается утвердить подобное мнение, опираясь на географические и другие названия, которые объясняются из финских наречий («Исторические замечания на пути из Саратова в Астрахань» проф. Булыгина, Ж. М. Н. П., 1836, октябрь). Особенно часто в собственных именах встречается корень *ар* с разнообразными приставками и окончаниями, например, козары, болгары (авары, мадьяры), балангиар, аркадак, чардын и множество других. Этот корень приводит путешественника к тому предположению, что большая часть восточной России некогда была заселена каким-то племенем аров, из которых образовалось обширное государство *Коз* – *ар*; последние в IX столетии господствовали от Каспийского моря до берегов Днепра и Оки. Близ Воронежа несколько городищ до сих пор сохраняют название козарских; под самым городом лежит Козарское поле; в Рязанской губернии на берегу Оки есть селение Козарь. От того же племени аров в незапамятные времена отделился народ, получивший по реке Волге название болгар. (На родство болгар с финнами указал и акад. Френ в *Memoires de l'Acad. des Sciences, de st. Peter. VI Série, Sciences, Polit. Histor. et Philologie* I. 546, 1832 г.) Одна часть его потом двинулась на запад и перешла на Дунай, а другая потянулась на север – мимо устья Камы. Камские болгары наиболее выдвинулись вперед из семейства восточных финнов; под влиянием ислама они образовали довольно сильное политическое тело, которое при постоянных торговых сношениях с востоком достигло значительной степени гражданственности; но о жизни этого народа дошли до нас только немногие отрывочные известия, из которых трудно построить что-нибудь цельное. Золотая Орда и Казанское царство пока загораживают от нас своих предшественников, но исследования памятников татарской эпохи, конечно, прольют свет на темную историю козар и болгар.

² С предположением о существовании народа аров можно поставить в связи любопытные заметки одного наблюдателя над мордовским племенем в Нижегородской губернии. («Памятники мордовской старины» Ж. М. В. Д. 1851, март). У него мы находим тот же корень *ар* во многих географических названиях, например: *Ар-датов*, *Ар-замас*, *Ар-зама* и др. Далее бросается в глаза участие слова *азар* в именах языческих божеств у мордвы, каковы: Паксызар, Вирыязарь и пр. Самое слово *азар* имеет значение владыки, господя, и, может быть, указывает на племенного Бога-родоначальника. Из мордовского языка можно объяснить названия очень отдаленных от Нижегородской губернии местностей, например: Керчь и *керче* (или *керже*) – левый; Киев и кияв – многодорожный, и пр. Не забудем также, что словом *ильмени* в Астраханской губернии называются вообще озера; а мордовское *Рава* (Волга) напоминает древнее *Ра*. В самом имени мордвы, очевидно, скрылся тот же корень *ар*. Это имя встречается еще у Иорнанда рядом с соседней мерей (*Merens, Mordens*) в его «*De reb. get.*» Все эти филологические заметки могут повести к тому предположению, что арское или мордовское племя составляло большой отдел финского поколения и когда-то занимало огромное пространство от Уральских гор до самого Днепра; что вследствие движения кочевых орд из-за Урала оно было отрезано от южной своей части козар и отодвинуто далее на север, где потом утратило родовое название и в IX веке появляется в истории под именами различных народцев.

этом случае для нас драгоценны слова Герберштейна, которыми он в первой половине XVI века характеризует мордовское племя. «К востоку и югу от реки Мокши, – говорит он, – лежат огромные леса, в которых обитает мордва – народ, говорящий особенным языком. Они отчасти идолопоклонники, отчасти магометане; живут разбросанными семьями, обрабатывают поля, питаются мясом диких животных и медом, богаты дорогими мехами; народ суровый, храбро отбивающий от себя татарских хищников; почти все пешие, вооружены длинными луками и превосходные стрелки». Если мы сравним с этим известием описание чисто мордовского быта в наше время, то в главных чертах мы находим большое сходство; отсюда имеем право заключить, что и с IX века по XVI этот быт изменился очень мало. Так, например, мордва до сих пор отличается свойственной дикарям неразборчивостью в выборе пищи; только в недавнее время она оставила привычку пожирать самых нечистых животных, а мясо медведей, волков, ежей, белок, выюнов и ястребов еще не вышло из употребления.

В XVI веке часть мордвы исповедывала ислам, заимствованный у соседних болгар, казанских и касимовских татар; но в IX веке язычество в этих странах еще не встречало себе никакого противодействия. К сожалению, религиозные верования северо-восточных финнов далеко не приведены в известность для того, чтобы можно было построить из них полную систему. Однако, благодаря замечкам некоторых наблюдателей, мы имеем довольно цельное понятие о язычестве мордовского племени; видим, что оно прошло несколько ступеней религиозного развития и не лишено присутствия господствующей идеи. Верховное божество называется Шкай; за ним следуют низшие боги и богини, между которыми разделены заботы об управлении различными частями мира, таковы: Керемят, Азарава, Паксязар и Паксязарава, Вирьязар и Вирьязарава, Ведьязар и Ведьязарава, Лугазар и Лугазарава, Юртазар и Юртазарава и прочие. Все эти имена встречаются в молитвах, преданиях и поверьях у мордвин, которые вообще поздно, неохотно подчинились христианству и упорно продолжают сохранять многие языческие верования и обряды.

Приведенные имена свидетельствуют, что первоначально мордва почитала единое, высшее начало под именем Азар; что потом это божество, как и у других народов, разрешилось на отдельные силы природы, и, таким образом, явились: Ведь-язар – лесной бог, Юрт-азар – домашний бог и т. д. (вроде славянских леших и домовых).

Нижнее течение Оки почти до самого устья занимало племя мурома, которое примкнуло к возникающему государству прежде других племен, обитавших по Оке, и несколько опередило их в развитии общественных форм. В IX столетии мы находим здесь город Муром, который, может быть, и распространил свое имя на ближнюю часть мордвы. Неизвестно – вследствие ли завоевания или добровольного присоединения он вместе с Ростовом является в числе городов, которыми владел Рюрик. Близость Волги, по которой шел водный путь из Новгорода в Болгарию и Козарию, более всего способствовала раннему участию мери и мурома в русской истории. Язычество мурома, судя по той борьбе, которую должны были выдержать против него первые проповедники христианства, достигло некоторой степени развития. Не знаем, насколько их верования были общи с мордвой, но у нас сохранилось несколько любопытных известий об обрядах муромцев в конце XI столетия. «Очные ради немощи в кладезях умывающиеся и сребреницы на ня повергающе... дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе и сим покланяющиеся... кони закалающе, и по мертвых ременные плетения и древолазная с ними в землю погребавюще, и битвы и кроение и лиц настрекания и драния творяще»³.

Между всеми мордовскими народцами для нас особенно важна мещера, которая обитала по притокам Оки выше мурома. Доныне вся северная часть Рязанской губернии носит название Мещерской стороны. Древние летописцы не отличают ее от мери и мордвы и не знают ее

³ Из Жития муромского князя Константина.

имени⁴. Затерянные в непроходимых дебрях и болотах между притоками средней Оки, мешеряки долее своих соседей остаются в состоянии совершенной дикости и ускользают от внимания истории.

Итак, до появления славянского элемента в тех местах, о которых мы говорим, финские племена с незапамятных времен были здесь полными хозяевами, и самым прочным, самым заметным памятником их древнего господства, бесспорно, служат до сих пор темные для нас географические названия. К таковым принадлежат имена Оки⁵, Москвы, Цны, Вожи, Мокши, Рязани и множества других.

⁴ Вероятнее всего, что название «мешера» есть только видоизменение слова «меря».

⁵ Г. Макаров в заметках о землях Рязанских сближает это слово с *Окать* (река) у ламутов и *Окка* (дождь) у абазов. Чт. О. И. и Д. I. Считаю необходимым при этом сделать следующую оговорку: неверность ссылок М. Н. Макарова – дело известное; но мы не можем утверждать, что все его ссылки были неверны, и потому не имеем права отвергать их без всяких исключений. При своих исследованиях мы выбрали из заметок Макарова наименее подозрительные и упоминаем о них в примечаниях.

Вятичи

Самым крайним славянским племенем на востоке в IX веке являются вятичи. О происхождении вятичей и их соседей радимичей сохранилось у летописца, как известно, любопытное предание, из которого заключаем, что эти племена, отделившиеся от семейства ляхов, заняли свои места гораздо позднее других славян, и в народе еще в XI веке сохранилась память об их движении на восток. Вятичи заняли верхнее течение Оки и, таким образом, пришли в соприкосновение с мерею и мордвою, которые, по-видимому, без особенной борьбы подвинулись на север. Едва ли могли существовать серьезные причины к столкновению с пришельцами при огромном количестве порожних земель и при ничтожности домашнего хозяйства у финнов. К тому же и самое финское племя, скудно одаренное от природы, с явным недостатком энергии, вследствие неизменного исторического закона должно было всюду отступать перед более развитой породой. Трудно провести границы между Мещерой и ее новыми соседями; приблизительно можем сказать, что селения вятичей в первые века нашей истории простирались до реки Лопасни на севере и до верховьев Дона на востоке.

Немногими, но очень яркими красками изображает Нестор языческий быт некоторых славянских племен. «И радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, срамословье в них пред отьци и пред снохами; браци небываху в них, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто свещашеся; имяху же по две и по три жены. Аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику и влажахуть и накладу мертвеца, сожжаху, а посем собравше кости, вложяху в судину малу и поставяху на столпе на путех, еже творят вятичи и ныне». Судя по первым словам, упомянутые племена не имели ни земледелия, ни домашнего хозяйства. Но далее видно, что они жили селами и имели довольно определенные обычаи или обряды относительно брака и погребения; а подобное обстоятельство уже предполагает некоторую степень религиозного развития и указывает на начала общественной жизни. Впрочем, трудно решить, насколько слова Нестора относились именно к вятичам IX столетия, потому что едва ли можно приравнять их к северянам, которые поселились на своих местах гораздо ранее и жили по соседству с греческим водным путем. Ясно, по крайней мере, что вятичи в те времена были самым диким племенем между восточными славянами. Удаленные от двух главных центров русской гражданственности, они позднее других вышли из родового быта, так что первые города встречаются у них не ранее XII века⁶.

⁶ Под 859 годом летописец упоминает о том, что вятичи вместе с полянами и северянами платили хазарам дань шкурами, именно – *по белке и веверице от дыма*. Подчинение вятичей козарам, вероятно, находится в связи с преданием о пришествии последних в страну полян: какой-то казарский князь предпринимал поход на запад для покорения племен так же, как первые русские князья ходили на восток.

Главные пути славянской колонизации

Движением радимичей и вятичей из Польши прекратилось расселение славянских племен в России: они перестают занимать земли более или менее густыми массами и отодвигать далее на север и восток жилища финнов. Последние теперь спокойно могли оставаться на своих местах, но уже навсегда должны были подчиниться влиянию своих соседей. Медленно и туго финское племя проникается славянским элементом; но тем вернее и глубже пускает он свои корни. Проводником этого неотразимого влияния послужила у нас, как и везде, система военной колонизации, начало которой совпадает с началом русской истории. Так о Рюрике говорится в летописи: «И раздал мужем своим грады. И по тем городом суть находницы варязи; а первые насельники в Новгороде – словене, Полотьске – кривичи, в Ростове – меря, в Белеозере – весь, в Муроме – мурома». Разумеется, варяжский элемент при этом играл роль только до тех пор, пока он преобладал в княжеской дружине, т. е. до XI века. Таким образом, славяно-русская колонизация вместе с княжеской властью идет сначала от Новгорода на восток великим Волжским путем и достигает нижнего течения Оки. Господство князей выражается здесь, на первый раз, только военным занятием трех городов, составлявших центры трех финских племен, и сбором дани с окрестных жителей. Преемник Рюрика переносит главную сцену исторической деятельности на юг, и Поволжский край на время ускользает от внимания русских князей. Но связь главных центров русской жизни с этим краем не прекращается благодаря деятельному содействию новгородцев. Известно, что новгородское юношество издавна ходило по рекам в дальние страны с двоякой целью – грабежа и торговли. Эти-то походы и проложили пути славянскому влиянию на финском северо-востоке. С движением славянского элемента из Новгорода по Волге во второй половине X века встречается другое движение из юго-западной Руси по Оке⁷.

По случаю походов Святослава и Владимира на вятичей для нас очень важно известие об их дани по шелягу с плуга. Ту же дань они платили козарам, между тем как при первом столкновении с последними говорится о белке и веверице (векше) с дома. Отсюда мы заключаем, что в IX и X веке вятичи меняют суровый быт звероловов на более благодарное занятие земледелием; следовательно, выходят из состояния той дикости, на которую указывает летописец словами: «Живяху в лесе якоже всякий зверь, ядуще все нечисто».

С подчинением вятичей киевским князьям верховья Оки вошли в состав русских владений. Устья этой реки принадлежали к ним еще прежде, поэтому и среднее течение не могло далее оставаться вне пределов зарождающегося государства, к тому же многочисленное туземное население было не в состоянии оказать значительное сопротивление русским князьям.

⁷ При Олеге северяне и радимичи вместо козар начинают платить дань киевским князьям. Продолжателем Олега в том же направлении является Святослав, который в 964 г. идет на Оку и на Волгу, приходит к вятичам и, по обыкновению, спрашивает у них: «Кому дань даете?» Они отвечают: «Даем козарам по шелягу от рала». Затем Святослав обращается на козар и громит их царство. Вятичи, однако, не соглашаются добровольно платить ему дань, как показывает известие летописца под 966 г. «Вятичи победи Святослав, и дань на них изложи». Святослав, без сомнения, не проникал на северо-восток далее верхнего течения Оки; хотя и говорится в летописи, что «иде на Оку реку и на Волгу». Берегов последней он мог коснуться во время борьбы с козарами, спустившись к ней по Дону; а иначе, т. е. достигнув Волги Окою, он неминуемо должен был столкнуться с камскими болгарами. (Поход руссов вниз по Волге в 968 г. мог происходить независимо от киевского князя, также как и предыдущие походы в 913 и 943 гг. Иначе наш летописец, верно, упомянул бы о подвигах Святослава в Камской Болгарии.) Зависимость радимичей и вятичей от русских князей прекратилась, вероятно, во время пребывания Святослава в Болгарии, и сын его Владимир, укрепившись на киевском престоле, должен был вступить в новую борьбу с воинственными племенами. Именно в 981 г. Владимир «вятичи победи, и взложань дань от плуга, яко же и отец его имаше». Но этим дело не кончилось. Под следующим годом опять известие: «Заратишися вятичи, и иде на ня Владимир, и победие второе». В 988 г. он воюет с радимичами, которым Волчий хвост наносит поражение. Недаром при этом случае летописец еще раз вспоминает, что радимичи (а следовательно, и вятичи) были родом из ляхов. «Пришедше ту ся вселина, и платят дань Руси, повоз ведут и до сего дне», – прибавляет он, вообще показывая к ним явное нерасположение. Такое нерасположение очень понятно, если вспомним, что у вятичей, и, вероятно, отчасти у радимичей, в его время язычество существовало еще в полную силу.

Летопись даже и не упоминает о покорении мещеры, которое само собой подразумевается при походах Владимира на северо-восток. Преемники его в XI столетии спокойно проходят со своими дружинами по мещерским землям и ведут здесь междоусобные войны, не обращая внимания на бедных жителей. Близ слияния Волги и Оки дальнейшее движение русского господства должно было на время остановиться: препятствием явилось довольно сильное по тому времени государство болгар⁸. Помимо враждебных столкновений, камские болгары были знакомы русским князьям по сношениям другого рода. Они служили тогда деятельными посредниками в торговле между мусульманской Азией и восточной Европой. Болгарские купцы ездили со своими товарами вверх по Волге в страну веси, а через мордовскую землю – следовательно, по Оке – отправлялись в юго-западную Русь и ходили до Киева. Известия арабских писателей подтверждаются рассказом нашего летописца о магометанских проповедниках у Владимира, а также торговым договором русских с болгарами в его княжение. Если удачные походы святого князя на камских болгар и не сокрушили эту преграду к распространению русского влияния вниз по Волге, зато окончательно закрепили за ним всю Окскую систему. Но начала гражданственности еще не скоро проникли в эту лесную глушь; первый город упоминается здесь спустя целое столетие.

⁸ Мы еще можем сомневаться в том, чтобы поход Владимира 987 г. относился к волжским болгарам, но кроме этого года есть известия и о других походах на болгар. В одном из них прямо говорится (997): «Ходи Владимир на болгары волжские и камские». (Никоновская лет. I. 108)

Восточные уделы

Когда Владимир раздавал своим сыновьям города, Муромская земля досталась на долю Глеба⁹.

Но для нас особенно важно деление волостей между сыновьями Ярослава I; оно надолго определило дальнейшее развитие отдельных частей древней России. Святослав Ярославич получил на свою долю Черниговский удел. К этому уделу кроме Северной земли причислялась долина Оки и Тмутраканское княжество, точно также как к Переяславскому уделу Всеволода принадлежало почти все верхнее Поволжье. Существование такого деления подтверждается событиями восточной Руси во второй половине XI века, а особенно – Любецким съездом, на котором все течение Оки было навсегда укреплено за родом Святослава Ярославича. Подобная обширность владений, сосредоточенных в руках одного рода, нисколько не смущала остальных князей. Вся эта лесная глушь имела в их глазах мало цены; сами Святославичи, как увидим, долго не смогут примириться с угрюмой природой своих уделов и обнаружат стремление к заветному Приднепровью.

⁹ Замечательно при этом, что он никого не назначил в страну вятичей и радимичей. Такое обстоятельство объясняется отсутствием городов в то время на северо-восток от Десны до самых низовьев Оки. Северная половина этого пространства, т. е. собственно Рязанские земли, была причислена к муромскому княжению; а южная степная полоса связана была с Тмутраканским княжеством. После битвы при Листвене Мстислав, первый удельный князь тмутраканский, соединил в своих руках обе части; название Тмутракани распространилось далеко на север; отсюда-то произошло у некоторых историков смешение этого имени с Рязанью, которая в то время еще не выступала на историческом поприще. Знаменитый Олег Гориславич, будучи князем тмутраканским и рязанским, еще более способствовал такому заблуждению. Но в настоящее время, после доказательств гр. А. Н. Мусина-Пушкина, нет более сомнения в том, что Тмутракань и греческая Таматарха (или древняя Фанагория) – одно и то же («Исторические исследования о местоположении древнего Рос. Тмутраканского княжения»). См. свод доказательств и защиту А. Н. Мусина-Пушкина против возражений Г. И. Спаского в «Исследованиях о русской истории» Погодина III. 145–153.

Святой Глеб в Муроме

Между тем как деятельность сыновей и внуков Владимира Святого преимущественно сосредоточивалась около Днепра, народы, заселявшие область Оки, все еще прозябали в тени своих первобытных лесов. Признаки жизни заметны только в отдаленном Муроме. Здесь первым удельным князем является святой Глеб¹⁰. Нет сомнения, что главной заботой молодого князя было насаждение христианства в этом крайнем уголке тогдашней Руси. Самая рассылка по городам сыновей Владимира, которая, по летописи, следует за их крещением, может быть, находилась в связи с заботами великого князя о распространении новой религии. Но это благое дело, кажется, не имело большого успеха в короткий срок пребывания Глеба на севере¹¹. После его смерти христианство должно было еще в продолжение целого столетия выдерживать здесь борьбу с языческой партией прежде, нежели могло провозгласить победу на своей стороне. Помимо столкновений христианского начала с язычеством Муромский край в то время оживлялся еще торговыми сношениями с Камской Болгарией, что не мешало иногда муромцам вступать в борьбу с сильными болгарами и беспокойными племенами мордвы. В княжение Ярослава I, по-видимому, Муром наряду с Ростовом играл незавидную роль ссылочного места для опальных бояр. Так в 1019 г. великий князь прогневался за что-то на новгородского посадника Константина (сына знаменитого Добрыни) и заточил его в Ростов, «и на третье лето повеле его убить в Муроме на реце на Оце»¹².

¹⁰ Мы не знаем, когда именно он отправился в свой удел. По летописи, Владимир роздал города сыновьям в 889 г., в то время, когда Глеб был еще младенцем или, что вероятнее, совсем не родился. В 1015 г. Борис, любимый брат его, изображается юношей, у которого только пробиваются усы и борода; а Глеб был моложе Бориса. Вообще, прибытие Глеба на север можно отнести приблизительно к 1010 г.

¹¹ В Прологе мая 21 сказано о святом Глебе: «Много покусивея невозможе одолети его (Мурома) и обратити во ев. крещение; но поживе вдале его два поприща (два лета) и от Святополка позван лестию».

¹² П. С. Р. Л. V. 134.

Соседство с половцами

Между тем в юго-восточной части Муромо-Рязанских земель никогда не прерывались враждебные столкновения со степными кочевниками. В начале X века из Приуральских степей вслед за уграми подвинулись на запад печенеги и потянулись к нижнему Днепру. За печенегами являются их соплеменники торки. В 1055 г. в первый раз упоминается о приходе половцев на русские земли. Они оттесняют более слабых предшественников и в 1068 г. открывают упорную борьбу с нашими князьями; а к концу XI века их необозримые кочевья раскинулись по всему степному пространству южной России. Соседство с этими дикими ордами, конечно, не осталось без влияния на жителей Приокских земель, оно внесло в эти земли новый элемент населения, враждебный славяно-русскому началу. Стоит только прочесть у Нестора описание половецкого быта, чтобы понять, каково могло быть влияние кочевников. «Якоже се и при нас ныне половцы закон держат отец своих, кровь проливати, и хвалящеся о сих, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы; поймают мачехи своя, ятрови, и ины обычая отец своих творят».

Борьба Олега Святославича с Мономахом и его сыновьями

27 декабря 1076 г. скончался Святослав Ярославич, оставив пять сыновей: Глеба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. При жизни отца Глеб сидел в Новгороде, Олег – во Владимире Волынском, Роман – в Тмутраки; неизвестно, где княжил Давид; а Ярослав, самый младший¹³, по юности своей, вероятно, находился при отце; впрочем, можно догадываться, что ему назначались в удел Муромо-Рязанские волости. С возвратом Изяслава произошло перемещение удельных князей, которое повлекло за собой неизбежные усобицы. Здесь мы, по необходимости, должны коснуться этих усобиц с той стороны, с которой они имели влияние на судьбы Муромо-Рязанского края.

Глеб Святославич, изгнанный из Новгорода, погиб в земле заволоцкой чуди; Олег, лишенный Владимира Волынского, жил некоторое время в Чернигове у дяди Всеволода. Из этого, впрочем, нельзя заключить, что он не имел тогда никакого удела; без сомнения, ему вместе с младшим братом предоставлены были все те же Муромо-Рязанские земли. Некоторое время спустя мы действительно находим в Муроме посадников Олега. Но, как замечено, князья не дорожили своими северо-восточными областями и не любили скучать в этой глухой стороне; поэтому Олег не поехал к себе в Муром, а явился у брата в Тмутраки, и отсюда начал ряд попыток отнять у Всеволода и Мономаха Чернигов как достояние своего отца. Средства для борьбы со старшими князьями у младших в то время находились всегда под руками, т. е. наемные половецкие дружины. Первая попытка Олега, предпринятая вместе с двоюродным братом Борисом Вячеславичем, сначала имела успех, но кончилась несчастной для них Нежатинской битвой 3 октября 1078 г. После того во все время Всеволодова княжения в Киеве незаметно, чтобы Олег возобновлял свои усилия занять Чернигов; когда погиб брат его Роман, он даже пробыл два года пленником у греков. Но, освободившись из плена, Олег занял Тмутракинское княжество и выжидал опять удобного случая завладеть Черниговским уделом. Такой случай представился после кончины Всеволода. Воспользовавшись серьезным поражением Святополка и Мономаха от половцев под Триполем, Олег в 1094 г. опять явился со своими дикими союзниками у ворот Чернигова. На этот раз Мономах, не имея достаточных сил, чтобы отразить врагов, помирился со своим соперником и вышел из города.

Но между тем как Святославичи принимали главное участие в событиях Южной России, их северные волости оставались без надежной защиты от нападения неприязненных соседей. В Муроме управляли посадники Олега. Неизвестно, были ли они сами виноваты в беспорядках или не имели достаточно средств и власти удерживать в повиновении беспокойную муромскую молодежь, которая выгодам торговли с зажиточными болгарами предпочитала грабежи их судов по Волге и Оке. Обиженные обратились с жалобами к Олегу и брату его Ярославу¹⁴. Не получив удовлетворения, болгары взяли за оружие и в 1088 г. захватили Муром. Впрочем, они оставались здесь недолго, и, вероятно, довольствуясь разграблением города, ушли восвояси; по крайней мере, спустя несколько лет опять упоминается о посадниках черниговского князя в Муроме.

И во второй раз Олег недолго княжил в отцовском городе. В следующем 1095 году неприязненное отношение Святославичей к Мономаху и Святополку опять переходит в сильную междоусобицу. Поводом к неудовольствию послужила явная недоверчивость Олега к двоюродным братьям, когда они пригласили его идти вместе с ними на половцев. Олег пошел, но не

¹³ Что Ярослав был младшим, доказывает картина в Сборнике Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, писанная в 1073 г.; она изображает Святослава с супругой и пятерых его сыновей; Ярослав представлен здесь младенцем. Карамзин. II, пр. 132.

¹⁴ Татищев. II, 140.

вместе, а другой дорогой, и, кажется, уклонился от битвы со своими прежними союзниками. Он также не согласился выдать русским князьям сына половецкого князя Итлара, после того как отец был умерщвлен в Переяславле. Но Мономах и Святополк не вступили прямо в борьбу с Олегом, а прежде хотели, вероятно, лишить его помощи брата Давида; поэтому они в конце 1085 г. вывели последнего из Смоленска в Новгород, а в Смоленске посадили Мономаховича – Изяслава. Вскоре, однако, Давид воротился и опять занял Смоленскую волость. Около того же времени Изяслав Владимирович является в Курск. Неизвестно, потерпел ли Изяслав у Курска неудачу или взял его, но потом оставил из-за угрожающего соседства Олега Черниговского; только в том же году он ушел с юга и отправился в другую волость Святославичей – Муромскую землю. Муромцы, может быть, недовольные боярским управлением и желавшие иметь собственного князя, охотно приняли Изяслава и выдали ему Олеговых посадников¹⁵. Хотя в письме своем к Олегу Владимир впоследствии осуждает сына за то, что он пожелал чужого и послушался своих алчных дружинников, но едва ли можно думать, чтобы Изяслав в этом случае осмелился поступить против воли Мономаха, который держал своих детей в строгом повиновении. Очень может быть, что занятие Муромом находилось в связи с открывшейся вскоре усобицей между черниговским князем и его двоюродными братьями. Известно, что в 1076 году Олег ответил из Чернигова гордым отказом на приглашение братьев приехать в Киев и не захотел предстать на суд пред епископами, игумнами и смердами. Тогда Святополк и Мономах припомнили ему дружбу с варварами и решились, по обыкновению, предоставить дело суду Божьему. Услыхав о приближении противников, Олег 3 мая 1096 года вышел из Чернигова и заперся в крепком Стародубе. Здесь он защищался 33 дня и начал просить мира только тогда, когда граждане доведены были до крайнего изнеможения, а помощь так и не являлась. Великий князь и Владимир согласились на мир и послали Олега к брату Давиду, чтобы вместе с последним он приехал в Киев улаживаться о волостях. Олег отправился к Смоленску; но смольняне отказались принять в свой город князя, который приобрел недобрую славу из-за своей дружбы с половцами. Гориславич, огорченный такой неудачей, обратился на восток и пошел к *Рязани*¹⁶. Тут в первый раз встречается в летописи это имя; и мы ненадолго остановимся на нем, до того как последуем за дальнейшим течением событий.

¹⁵ Лаврентьевская лет. 98.

¹⁶ Лаврентьевская лет. 98. Никоновская лет. II. 12.

Происхождение города Рязани

С XI столетия славянские поселения на финском северо-востоке начинают принимать все более и более значительные размеры благодаря строительной деятельности русских князей. Главным средством для утверждения власти в подчиненных землях всегда и везде служило построение крепостей там, где их не было, а также военное занятие городов, уже существующих. Точно так поступали и древние русские князья: они строили новые города на восток и на запад от великого водного пути, имея в виду защиту края, сбор дани с туземных жителей и заселение пустых земель. Уже Рюрик принялся за это дело и, по некоторым спискам летописи, велел «города рубить». Строительная деятельность особенно усиливается со времен Владимира Святого и Ярослава I. Стук топора и смешанные человеческие голоса с тех пор постоянно нарушают спокойствие дремучих лесов на северо-востоке России. Несколько десятков окруженных земляным валом домиков показываются над рекой в тени зеленых рощ, и путник, плывущий в лодке, замечает в окрестностях движение, а иногда различает остроконечную кровлю с крестом и слышит звон била¹⁷, призывающего на молитву там, где незадолго перед тем печально каркали вороны, белки прыгали по деревьям, торопливо пробегали лисицы и другие зверьки, да изредка хрустели ветви под тяжелой лапой медведя, и из чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, с головы до ног закутанного в звериные шкуры. Ранее началось построение городов в Суздальской и Ростовской областях; несколько позднее встречаются они по Оке, где туземное население было еще более дико и малочисленно; а леса и болота чаще и недоступнее. Первый город после Мурома здесь упоминается Рязань. Но когда именно она основана? Каким князем? При каких обстоятельствах? При настоящем состоянии источников положительные ответы на все эти вопросы невозможны; поэтому мы должны ограничиться одними соображениями.

Под 1096 годом Нестор говорит об Олеге, непринятом смольнянами: «И иде к Рязаню». Следовательно, Рязань как город существовала еще прежде этого года; а как название страны – она и прежде и после обнимала большое пространство земель, лежавших по среднему течению Оки, по ее притокам с правой стороны и по верхнему Дону. Происхождение самого слова *Рязань* до сих пор еще удовлетворительно не объяснено. Во всяком случае, мы не согласимся с тем, кто думает производить его от глагола «резать» и сближать с древней монетой «резань». Без сомнения, оно принадлежит к тем географическим названиям, которые перешли к славянам от туземных обитателей – финнов, подобно именам Москвы, Оки, Муром и др. Вероятнее всего сближение этого названия с местным словом *ряса*, которое означает топкое, несколько болотистое место, обычно заросшее мелким кривым лесом или кустарником¹⁸. В связи с этим корнем находятся имена нескольких Ряс (реки в южной части Рязанской губернии), города Рязска и, наконец, Рязани. Правописание последнего слова установилось нескоро; в источниках оно читается *Рязань* и даже *Резань*; род этого слова также определился не вдруг; в первый раз оно встречается в мужском роде – «И иде к Рязаню». Следовательно, в этом слове сказана характеристическая черта местной природы; а потом название страны перешло к первому появившемуся здесь городу. Когда же основан город? В этом случае мы предлагаем следующую догадку. С тех пор как Муром, на основании поземельного раздела между сыновьями Ярослава I, вошел в близкие отношения с Черниговом, у черниговских князей, естественно, появилась потребность связать крайние пункты своих обширных владений, централизовать подчинен-

¹⁷ Кривая железная полоса, употреблявшаяся в старину вместо колокола. Образчик такого била сохраняется и теперь в г. Пронске.

¹⁸ Чт. О. И. и. Д. 1840 г. III. Опыт, простонар. Словот. Макарова. В Историческом сборнике Погодина. VI прим. 164 Рязань приводится в числе географических названий, прототипы которых встречаются у дунайских славян.

ные рязанские племена и противопоставить укрепленные пункты напору кочевых варваров. Именно около этого времени на юго-восточные пределы надвигаются половцы, которые потеснили далее к северу рассеянную мешчеру и раскинули свои вежи до самых берегов Прони. Основание города на Оке в том месте, где она достигает наибольшего юго-западного изгиба и, приняв Проню, поворачивает на север, без сомнения, удовлетворяло означенным потребностям времени. Вероятно, здесь существовали уже финские поселения; потом пришли русские колонисты, срубили обычный острог и начали собирать ясак с туземцев¹⁹. Мы едва ли будем далеки от истины, если начало города отнесем к шестидесятым годам XI столетия и основание его припишем деятельности Святослава Ярославина Черниговского. С тем же значением и еще несколько ранее является в истории Курск на западном краю Черниговского удела («Житие святого Феодосия»),

Итак, Олег удалился в одно из наследственных владений своего рода в Рязань. Но заранее можно было предвидеть, что гордый и храбрый князь не останется спокойно в этой бедной волости, которую надобно было еще делить со своим младшим братом, и не потерпит дальнейшего нарушения своих прав на сравнительно богатый Муром. Он и теперь не захотел выполнить данного слова ехать в Киев и положиться на правосудие враждебных князей; а, по обыкновению, предпочел решить дело оружием. В том же 1096 г. Олег присоединил к рязанской дружине воинов своего брата Давида и пошел на племянника. Когда весть об опасности дошла до Изяслава, он поспешил призвать на помощь дружины ближних Переяславских уделов – Суздаля, Ростова, Белоозера – и приготовился к обороне. «Ступай в волость отца своего, в Ростов, – прислал сказать ему Олег, – а это волость моего отца; когда сяду здесь, то хочу урядиться с твоим отцом, который выгнал меня из родного города; а ты неужели и здесь не хочешь дать мне моего же хлеба». Юноша, надеясь на многочисленную рать, не захотел уступить справедливому требованию дяди и бодро вышел ему навстречу. Сам летописец, вообще неблагоприятный к Олегу, в этом случае принимает его сторону. «Олег же надеясь на правду, яко прав бе в сем Олег, – прибавляет он, – и поиде к граду с вой». На поляне у ворот Мурома 6 сентября произошла упорная битва; Изяслав пал мертвый, и войско его обратилось в бегство; одна часть рассеялась по лесу, а другая укрылась в городе. Гражданам теперь не оставалось ничего более, как с покорностью принять прежнего князя. Тело Изяслава с честью было похоронено в монастыре святого Спаса, а впоследствии перенесено отсюда в Новгород. Олег не удовольствовался тем, что задержал молодую жену племянника и приказал поковать ростовцев, суздальцев и белоозерцев, захваченных в Муроме; но дал полную волю своей мести: он овладел землями Суздальской и Ростовской, посадил своих посадников по городам и начал брать дани. Это занятие чужих волостей опять влекло за собой неизбежные войны. Брат убитого Изяслава – Мстислав, княживший в Новгороде, спешит вступить за права своего рода и присылает к Олегу со словами: «Ступай из Суздаля в Муром, в чужой волости не сиди, а я с дружиной пошлем к отцу моему, и помирим тебя с ним; хотя ты и брата моего убил, но это не удивительно: в войнах погибают и цари, и знатные мужи». Олег, в свою очередь, повторяет ошибку юноши Изяслава и после удачи показывает ту же заносчивость. Летописец говорит, что он не только отвечал отказом на справедливое требование племянника, но задумал овладеть и Новгородом. Олег расположился с войском на поле у Ростова, а младшего брата своего

¹⁹ Совершенное молчание источников о прежнем туземном населении по верхней и средней Оке подало повод думать, что его тут почти и не было. Так Г. Ходаковский говорит, что муромские, рязанские и бельские леса, кажется, в древние времена не были населены. (Исторический сборник Погодина V. 36). Мы не знаем, о какой древности говорит почтенный исследователь; на мурому указывает Нестор; а что область средней Оки, некогда сплошь покрытая лесом, была издавна обитаема финнами, в этом нет сомнения; иначе откуда мог взаться финский элемент, очень заметный в местных наречиях и в наружности рязанского населения.

Ярослава выслал наперед в сторожах. Здесь в первый раз в летописи является действующим лицом этот родоначальник рязанских князей²⁰.

²⁰ Лаврентьевская лет. 107. 108.

Ярослав Святославич; его характер и деятельность на северо-востоке

Ярослав был еще очень молод, когда умер его отец, так что первое время он, вероятно, жил у дяди Всеволода. Когда последний в 1078 г. сделался великим князем и разделил племянникам уделы, Ярославу досталась Рязань, самая незавидная из отцовских земель. Мы не знаем, когда именно младший Святославич направился в свой удел и какое участие он принимал до 1096 г. в непостоянной судьбе старшего брата; по крайней мере, не встречаем его до тех пор, пока Олег не перенес свою беспокойную деятельность из южной России в северо-восточную. Присутствие Ярослава в Рязани прежде означенного года отчасти обнаруживается тем, что сын Мономаха из Курска отправился прямо в Муром, где находились посадники Олега, и на пути миновал Рязань, так как, вероятно, она управлялась в то время собственным князем. Последняя догадка получит еще большую степень вероятности, если мы возьмем в расчет другое современное обстоятельство. Без сомнения, одну из главных забот Ярослава составляло построение городов в своей малонаселенной волости. Действительно, под 1095 г. мы имеем следующее известие: заложен был град Переяславль Рязанский у церкви Николы Старого²¹. Судя по словам Герберштейна, древняя крепость, около которой впоследствии образовался город Переяславль, первоначально называлась Ярославом или Ярославлем, т. е. по имени своего основателя²². Может быть, около того же времени получил свое начало и город Пронск. Вместе с рязанской дружиной Ярослав, конечно, последовал за Олегом в его походе к Мурому и принял непосредственное участие в борьбе с детьми Мономаха. Но роль его пока была второстепенной; очевидно, он находился в полном повиновении у старшего брата, и летописец до времени не считал нужным говорить о его присутствии в полках Олега.

Посоветовавшись с новгородцами, Мстислав выслал в сторожах Добрыню Рагуйловича, который схватил Олеговых сборщиков податей. Услыхав о том, Ярослав, стоявший тогда на Медведице, в ту же ночь бежал к Олегу. Последний отступил сначала к Ростову, потом к Суздалю; но, преследуемый Мстиславом, он велел зажечь Суздаль и воротился в Муром. Изгнав неприятелей из своих родовых волостей, скромный Мстислав не желает продолжать бесполезную войну с крестным отцом и опять предлагает ему помириться. «Я моложе тебя, – говорит он Олегу, – пересылайся с моим отцом, возврати захваченную дружину; а я во всем тебя послушаю»²³. К тому же времени, вероятно, относится известное письмо Владимира Мономаха к Олегу²⁴. Несмотря на печаль о потере сына, Владимир соглашается на кроткие убеждения Мстислава: он обращается к своему врагу со словами примирения и в трогательном послании к нему изливает чувства отца и христианина. Олег, чувствуя себя не в силах бороться с племянником, изъявил готовность к миру. Молодой князь, оставшись в Суздале, доверчиво распустил своих ратников по селам и даже поставил в поле обычных сторожей. Настала последняя неделя великого поста. Мстислав сидел за обедом, как вдруг пришла весть, что Олег уже появился на Клязьме. Но последний напрасно рассчитывал на то, что племянник, застигнутый врасплох, поспешит удалиться из Суздаля. В два дня Мстислав успел опять собрать сильную дружину из новгородцев, ростовцев и белозерцев. Он не хотел оставаться под защитой укреплений, а вышел в поле и приготовился к битве. Олег почему-то промедлил еще четыре дня и дал время

²¹ Рязанские Достопамятности из особ. Записки.

²² Reg. Mosc. Auct. 48.

²³ Лаврентьевская лет. 108.

²⁴ В этом случае мы держимся мнения Карамзина (II. пр. 177) и думаем, что оно не могло быть написано после изгнания Олега из Мурома, как показывают слова: «соседиши в своем уделе». Далее см. то место, где Мономах просит Олега отпустить его сноху, т. е. жену Изяслава.

подоспеть младшему брату Мстислава – Вячеславу, которого Мономах послал с половцами на помощь к сыну. Только на пятый день Святославичи двинулись вперед и на берегах Колакши вступили в битву с детьми Мономаха. Дело кончилось в пользу последних. Разбитый Олег бежал в Муром, затворил здесь брата; а сам пошел к Рязани, вероятно, для того чтобы собрать новое войско. Но деятельный противник на этот раз решил не оставлять своего преследования до тех пор, пока не принудит неугомонного дядю к окончательному миру: поэтому он не останавливается надолго перед Муромом, довольствуется выдачей Изяславовой дружины и по Оке спешит за Олегом. Последний, не дожидаясь его, убегает из Рязани. Мстислав и здесь заключает мир с гражданами, освобождает из плена своих людей и в третий раз посылает к дяде с мирными предложениями. «Не бегай, – говорит он Олегу, – и пошли лучше к братьям с просьбой; они не лишат тебя Русской земли; я также попрошу за тебя своего отца». Олег, наконец, дал обещание следовать его совету, и Мстислав воротился в Суздаль²⁵.

В словах Мстислава для нас особенно замечательно выражение: «Они не лишат тебя Русской земли». Следовательно, все усилия Олега: занятие чужих волостей, измены, битвы – все до сих пор направлено было к тому, чтобы силой воротить отцовские волости в Приднепровье, которое, как известно, в то время преимущественно называлось Русской землей. Но оружие изменило Олегу, поневоле пришлось положиться на великодушные своих врагов. Любецкий сейм 1097 г. положил конец борьбе за Черниговскую волость. Святославичам были возвращены почти все отцовские земли, т. е. Чернигов, Новгород Северский, Вятичи, Муром и Рязань. Давид занял Черниговское княжество²⁶, Олег – Северское, а Ярослав – Муромо-Рязанское. С того времени согласие между Мономахом и Святославичами не прекращалось до самой его смерти. Они вместе наказывают Давида Игоревича за вероломное ослепление Василька и еще раз скрепляют свой союз на Витичевском съезде. Но в знаменитых походах на половцев принимает участие только Давид Святославич; Олег по-прежнему уклоняется от встречи со старыми союзниками; а Ярослав почти совсем остается чужд событиям южной России, мы не встречаем его ни на съездах, ни в походе. Только раз, под 1101 г., он появляется вместе с братьями на реке Золотче, чтобы идти с ними на половцев. Поход, однако, не состоялся, и у Сакова был заключен мир. Не ранее 1123 г. потом мы находим его в Приднепровье. Посмотрим между тем, какова была его деятельность на севере.

Первое знакомство с младшим Святославичем дает нам не совсем выгодное представление о его личности. Ярослав находится в повиновении у своего брата и подле него не обнаруживает никаких признаков собственной воли; на поле битвы он является несчастным вождем, первым обращаясь в бегство при известии о приближении передового неприятельского отряда. До 1097 г. он как будто не имеет собственного удела, потому что Олег распоряжается в Муроме и в Рязани как полный хозяин. Но было бы слишком поспешно выводить заключение о его ничтожности с первого поверхностного взгляда. Деятельность Ярослава обнаруживает в нем присутствие кроткого, не воинственного характера. Приходясь Олегу младшим братом, Ярослав, в духе того времени, почитает его вместо отца; но, впрочем, подчиняется ему именно там, где дело идет об их общих интересах, т. е. о возвращении отцовского удела на юге. В случае успеха, за Ярославом оставались все Муромо-Рязанские волости, а по смерти братьев он, конечно, надеялся перейти в Чернигов. Но если Ярослав не обнаруживает личной отваги и стремления к военным подвигам – тех качеств, которые составляли принадлежность современных ему князей, – зато он имеет право на сочувствие историка по своему участию в успехах в русской цивилизации на северо-восточном краю России. Мы уже говорили о том, что он не был чужд строительной деятельности и, вероятно, ему обязаны своим началом некоторые

²⁵ Лаврентьевская лет. 109.

²⁶ В Игнатьевской летописи под 1112 г. сказано: «Поставиша Феогноста епископом Чернигову, и рад бе князь Давид и княгини».

древние города Рязанского княжества, например, Переяславль и Пронск. Еще более великая заслуга Ярослава, отличавшегося глубоким благочестием, заключается в его усилиях утвердить христианскую религию меж подвластными племенами.

Успехи христианства

В землях мещеры на средней Оке христианство, без сомнения, появилось вместе с первыми городами, на тесную связь этих двух начал указывает известие о первоначальном основании Переяславля Рязанского, который был заложен у церкви святого Николы Старого. Мы не имеем никаких сведений об успехах проповеди в самой Рязанской области; можно, однако, с достоверностью предположить, что христианство за стенами городов распространялось здесь очень медленно, хотя ничего не слышно об упорном сопротивлении со стороны туземцев. Не так тихо утвердилась новая религия в стране муромской. Крещение мурома, начатое святым Глебом, после него почти прекратилось на некоторое время. Язычники, пользуясь смутной эпохой междоусобиц и отдаленностью отдельных центров русской жизни, начали сильно теснить малочисленную христианскую общину; но не могли, однако, ее уничтожить (церковь св. Спаса в Муроме 1096 г.). Вместе с язычеством, которое у муромцев стояло на некоторой степени развития и, вероятно, имело особый класс жрецов-кудесников, против русского влияния соединился магометанский элемент, занесенный сюда болгарами; последние не только имели постоянные торговые сношения с поволжскими и поокскими племенами; но даже некоторое время господствовали в Муроме²⁷. Между тем как болгары поддерживали мусульман, язычники находили опору в соседней мордве.

Получив в свое распоряжение все Муромо-Рязанское княжество, Ярослав решил вступить в борьбу со всеми элементами, враждебными христианству. Когда его сыновья Михаил и Федор прибыли в Муром в качестве наместников отца, языческая партия встретила их поголовным восстанием, и один из княжичей, Михаил, был убит. Тогда Ярославу пришлось вооруженной силой брать непокорный город. Но он по характеру своему не любил крутых мер, а старался действовать на народ путем кротких увещаний, прибегая к угрозам только в некоторых случаях. Предание рассказывает, что в самом городе возобновилась попытка к мятежу и сделано было покушение на жизнь князя; и что он укротил язычников одним появлением своим перед ними с иконой Богоматери. Борьба окончилась победой христианства, и, по словам предания, даже совершилось торжественное крещение муромских язычников на реке Оке, подобно крещению киевлян при святом Владимире²⁸. Мы думаем, что поход Ярослава на мордву 1103 года произошел в связи с этой религиозной борьбой. Закоренелые язычники, по-видимому, оставили Муром и с толпами мордвы открыли нападение на русские волости. 4 марта Ярослав дал битву дикарям²⁹. Но уже замечено было, что он не имел удачи в военных предприятиях и не отличался талантами вождя; князь потерпел поражение. Вероятно, были и другие столкновения с ними, но летопись запомнила только самую значительную битву.

²⁷ На магометанский элемент в Муроме указывает благоверный князь Константин.

²⁸ Весь этот рассказ об обращении мурома в христианство взят из «Жития благоверного князя Константина и чад его», написанного во время Иоанна Грозного. Касательно тождества Ярослава Святославича и благоверного князя Константина, мы не имеем причин отрицать доказательства, приведенные в Истории Русской церкви (Е. Р. Ф. 1848 г. I. ст. 35. примеч. 56), а именно: год события, означенный в прологе, надобно читать не 6700, а 6600. Иначе: а) Вовсе невероятно, чтобы в 1192 г. было в Муроме грубое язычество, после того как видим там целый ряд князей чернигово-муромских; б) По летописям известно, что в 1095 г. в Муроме был Спасский монастырь; в) По жизнеописанию, князь Константин выставляется недалеким со времени святого Глеба; жизнеописатель не делает и намека на других князей муромских; г) По жизнеописанию, перед прибытием Константина в Муром, здесь имели силу мордва и болгары-мусульмане. Но к началу XIII века не время было для такого порядка дел. Между тем известно, что Ярослав Святославич воевал в 1104 году с муромской мордвой, а в 1107 г. болгары воевали в Суздальской области; д) Константин Святославич Муромский XIII века вовсе неизвестен в истории, и даже нет мест в хронологии его княжению. А личные обстоятельства Ярослава Святославича ни в чем не разноречат с житием Константина... Митрополит Никифор (1104–1124) писал к князю Ярославу Муромскому послание против латинян (Москвит. 1844, ноябрь, с. 129. Ж. М. Н. Пр. 1834 часть I, с. 154). У игум. Даниила в его «Хождении» записан князь Ярослав-Панкратий: но имя Константина Ярослав мог принять в монашестве, если только имя Панкратия – не ошибка писца.

²⁹ Лаврентьевская лет. 119. Никоновская лет. 1. 37.

Почти в одно время с торжеством христианства на Муромской земле, побеждено было язычество у вятичей. Успехи христианской проповеди в этой части России замедлились потому особенно, что власть русских князей до самого XII века ограничивалась здесь только некоторыми укрепленными пунктами; а основная масса населения находилась в весьма слабой зависимости от потомков Рюрика, управляясь собственными князьями или старшинами, которые не всегда признавали над собой господство русских князей. Так, например, Мономах должен был предпринимать походы для их усмирения. «В вятичи ходихом по две зиме, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих первую зиму», – говорит он в своем поучении (Лаврентьевская лет. 103); а несколько выше сказано: «Первое к Ростову ид ох, сквозе вятиче, посла мя отец». Слова «сквозе вятиче» намекают на то, что подобный путь не так уж был легок и безопасен. В первой трети XII века³⁰ святой Кукша с учеником своим Никоном, оставив Киево-Печерскую обитель, проповедовал слово Божие в стране диких вятичей, крестил много народу и смертью мученика запечатлел здесь торжество новой религии. Христианство, в свою очередь, помогало распространению княжеской власти в славянских и финских землях: так в половине XII века вятичи уже спокойно повинуются наместникам черниговских князей. С тех пор христианская проповедь могла свободно проникать в Рязанскую область с юго-западной и северо-восточной стороны.

18 марта 1115 г. скончался знаменитый Олег Гориславич, а в 1123 г. умер в Чернигове и старший брат его – кроткий Давид. Из сыновей Святослава в живых оставался только Ярослав, который имел теперь неоспоримое право на первый стол в уделе своего отца. Действительно, он тотчас переходит на юг и садится в Чернигове. Пока был жив Мономах, Ярослав спокойно пользовался своими правами. Спустя два года по кончине Владимира он остался старшим в целом роде Рюриковичей, но киевский стол, по желанию граждан, занимает его племянник Мстислав Владимирович, и Ярослав не обнаруживает никакой попытки присвоить себе фактическое старшинство. Он совершенно доволен своим Черниговским уделом, ничего не ищет, кроме спокойствия, и берет с Мстислава только клятву поддерживать его в Чернигове. Если существовала подобная клятва, стало быть, существовали и причины, по которым ее требовали. Вероятно, кто-нибудь из родных племянников Ярослава – Давидовичей или Ольговичей – показывал неуважение к правам дяди, который просто не мог приобрести влияния на младших князей. Опасения Ярослава вскоре оправдались. В 1127 г. Всеволод Ольгович неожиданно напал на Чернигов, захватил дядю в свои руки, а дружину его истребил и ограбил. Такая удача Всеволода объясняется сочувствием к нему черниговских граждан, которые, может быть, тяготились княжением невоинственного Ярослава. Великий князь изъявил намерение наказать Всеволода и возвратить удел своему дяде, поэтому он вместе с братом Ярополком начал готовиться к походу на Чернигов. Всеволод поспешил отпустить Ярослава в Муром и призвал на помощь половцев. Последние пришли в числе 7 тыс. человек, но от реки Выря воротились назад. Ольгович прибегнул к переговорам, начал упрашивать Мстислава, подкупал его советников и так протянул время до зимы. Тогда пришел из Мурома Ярослав и стал говорить киевскому князю: «Ты целовал мне крест; ступай на Всеволода». Мстислав находился в затруднительном положении: с одной стороны, обязанность наблюдать справедливость между младшими родичами и крестное целование побуждали его вступить за дядю; с другой – виновный Всеволод приходился ему зятем, потому что был женат на его дочери. За последнего стояли лучшие киевские бояре; в пользу его подал голос андреевский игумен Григорий, который пользовался расположением еще Владимира Мономаха и был почитаем всем народом. Великий князь в раздумье обратился к собору священников, так как после смерти митрополита Никиты место его оставалось тогда не занятым. Нетрудно было предвидеть решение собора, потому что большая часть голосов уже заранее принадлежала Всеволоду. К тому

³⁰ См. Историю Русской Церкви. Е. Р. Ф. I. 33.

же наше древнее духовенство старалось отвращать князей от междоусобиц и пролития крови, считая это одной из главных своих обязанностей. Так оно поступило и теперь: собор принял на себя грех клятвопреступления. Мстислав послушался, но дорого стоила ему впоследствии эта несправедливость. «И плакался того вся дни живота своего», – говорит о нем летописец³¹. Ярослав оставил всякие попытки поддерживать свои права, с грустью возвратился в Муром и прожил там еще два года. Он скончался в 1129 г.

Между тем как деятельность Ярослава, главным образом, сосредоточивалась около Мурома и Чернигова, для нас замечательна та роль, которую приняла на себя в то время Рязань. С тех пор как Тмутракань, отрезанная половцами от южной России, исчезла из наших летописей, ее значение отчасти перешло к Рязани, которая также лежала на русской окраине: младшие безудельные князья, обиженные старшими, так называемые *изгои*,

³¹ Лаврентьевская лет. 130. Ипатьевская лет. 10. Никоновская лет. II. 60.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.